

Разночинец в гостях у дворян
(рассказ А.П. Чехова «Ионыч»)

Бушканец Л., Иванова Н.

Если вы назовете словосочетания «обывательская среда», «мещанство», «пошлость», «духовный распад», «деградация героя», то и ученики, и родители, и учителя безошибочно определят, что речь идет о чеховском рассказе «Ионыч» (1898). Принципы анализа этого произведения примерно с середины XX в. не менялись и, судя по вопросам ЕГЭ, ничего не изменилось и сейчас: в традиционной, идеологической по сути, интерпретации – это рассказ о деградации интеллигента под влиянием пошлой среды, путь «от Старцева к Ионычу». Тут услужливо «подтягиваются» и другие стереотипы – нравственные, бытовые... В результате, вырванный из контекста эпохи, рассказ теряет многие важные смыслы, что делает произведение примитивно-морализаторским и скучным.

Стереотипы восприятия заслоняют от современного читателя то, что рассказ на самом деле строится на сопоставлении двух миров – дворянского и разночинного, на сопоставлении героев, принадлежащих к двум типам нравственных и культурных ценностей, образования, воспитания, времяпровождения. Рассказ написан писателем-разночинцем о разночинец, пришедшем в гости в дворянскую семью.

Столкновение дворянского и разночинного миров стало проявлять себя в 1830-1840-е гг. Именно тогда первые разночинцы стали проникать в дворянские гостиные и переживать комплексы, связанные с застенчивостью, неумением вести себя в обществе, занимать даму, говорить по-французски. Многие из них были бедны и плохо одеты. Само слово «разночинец» распространение и конкретно-историческое содержание получило в 1860-х гг. В психологии этой группы людей наряду с идеалом общественной активности, личной ответственности, наряду с чуткостью к социальным проблемам и пр. проявилось соединение таких противоречивых черт, как опора на позитивизм, разум и антропологические ценности, утилитаризм, критичность – с одной стороны, и утопичность мышления, христианское чувство и поиск идеала, ощущение оторванности от социальных корней – с другой. Разночинец вынужден был уделять особое внимание материальной стороне существования. В письмах Белинского, дневниках Чернышевского обыденное и низкое в жизни становилось предметом осмысления (например деньги) и «узаконенными фактами культуры». Разночинцы ютились «по углам», знали, что такое бедность и постоянная угроза голода. Недостаток систематического образования, хронические болезни, отсутствие хороших манер, недостаток раскованности и светского лоска препятствовали сближению с другими людьми: разночинец был чрезвычайно амбициозен и горд, и одновременно застенчив, замкнут, одинок и робок как следствие глубоко затаенного и болезненного чувства социальной неполноценности.

От городской бедноты эти люди отличались наличием образования – этот «мыслящий пролетариат» стал важной силой в истории науки, искусства и общественной мысли. В лирике Н.А. Некрасова тоска, досада, неверие в себя, вражда и озлобление против всех, ощущение безнадежности, упадок телесных и духовных сил, безотчетная боязнь несчастья, радость при встрече даже с тем, кого презираешь, тревога из-за пустяков, чрезвычайная чувствительность к обидам и ребячливая застенчивость, которая скрыта за маской наружного холода, амбициозность становятся важными чертами лирического героя, являющегося носителем социальной психологии разночинца. Н.А. Добролюбов, Н.Г. Чернышевский и многие другие в своих дневниках постоянно размышляли о том, как застенчивость и привычка молча сносить обиды могут превратить деликатность в свою противоположность – во внутреннее рабство, могут лишить человека уверенности в себе и внутренней энергии.

В самоопределении разночинцев было важным то, что они резко противопоставляли себя дворянам с их артистизмом, презрением к материальной стороне жизни, умением быть комильфо и т.д. – к тому, что дано было природой и воспитанием. Разночинцы противопоставили себя дворянам и гордились своим «нигилизмом» не столько в сфере идеологии ческой, сколько поведенческой: разночинцы противопоставляли образование и воспитание как действительную и мнимую ценности. Отрицательное отношение к дворянству в целом во многом сформировалось именно в полемике разночинцев с дворянами. Отсюда сохраняющиеся до нашего времени представления о пустоте светской жизни, никчемности, непрактичности дворян.

Однако дворянство – это особый тип культуры, причем обладающий высокой ценностью для России: «Образ идеального дворянина формировался на основе рациональной схемы иерархии социальных и моральных ценностей, т.е. убеждения, что высокому положению человека в обществе должны соответствовать его высокие нравственные качества <...> низкий культурный уровень основной массы дворянства не ставил под сомнение высокое предназначение дворянского сословия; он лишь выдвигал на первый план проблему воспитания человека, достойного своего общественного статуса.

Предстояло сделать из детей Простаковых и Скотининых просвещенных и добродетельных граждан, благородных рыцарей и учтивых кавалеров. Задача по сути своей чисто утопическая, ибо реальность предполагалось изменить согласно теоретическим представлениям о ней». Главным достоинством дворянского воспитания была связь между правилами поведения и этическими установками, что проявлялось в самом образе жизни, стиле поведения, усваиваемом с детства в семье порой бессознательно: обостренное чувство собственного достоинства, ориентация ребенка не на успех, а на идеал, на нравственные принципы. И очень важный момент: воспитание давало человеку умение выстраивать повседневную жизнь, быт, наполняя его смыслом и эстетизируя его: «Светское общество относилось к бытовой стороне жизни как к явлению глубоко содержательному, имеющему самостоятельное значение. <...> Но в данном случае «театральность» не означает «искусственность», «ненатуральность». Принятые формы поведения давали вполне широкий простор для самовыражения личности; человек, в совершенстве владеющий правилами хорошего тона, не только не тяготился ими, но обретал благодаря им истинную свободу в отношениях с людьми. <...> Чванство и высокомерие считались в аристократическом кругу безнадежно дурным тоном; истинные аристократы очаро-вывали людей именно своей приветливостью и деликатностью».

Именно таким настоящим «баринном» был, по признанию окружающих, Л.Н.Толстой, умеющий быть естественным со всеми – от министра до крестьянина, таким был декабрист С. Волконский, сумевший и на поселении в Сибири организовать быт своего дома так, чтобы он был «удобным». Проблема, которую решало дворянское воспитание, – то, как согласовать естественные проявления человеческой природы и культуру, в основном за счет подчинения и переформирования природного культурному.

Когда разночинцы отринули опыт дворян, они столкнулись со сложнейшей экзистенциальной проблемой. Разрушив эстетизацию жизни, которую выработало дворянство, они столкнулись с вопросом о том, как «выдержать» повседневность. И им пришлось многому учиться. Не случайно Чехов в письме А.С. Суворину в январе 1889 г. писал: «Что писатели-дворяне брали у природы даром, то разночинцы покупают ценою молодости». Отголоски традиции дворянского воспитания застал Чехов и, будучи сам разночинцем, размышлял о людях этого типа – часто между ними возникал «культурный конфликт», связанный с чеховской неэтикетностью, иногда естественной, иногда, видимо, нарочитой, особенно в 1880-е гг., когда его бытовое поведение вызывало неоднократные нарекания «воспитанных людей». К 1890-м гг. общечеловеческое в дворянском воспитании стало отличительной особенностью самого Чехова: сдержанность, простота в общении с другими людьми, ровное внимание ко всем, изящество в одежде, бытовых мелочах. Не случайно Бунин и Куприн называли Чехова «подлинным аристократом».

Впервые разночинец Чехов столкнулся с дворянской средой в имении Бабкино у Киселевых, у них он снимал флигель под дачу. Мария Павловна, сестра писателя, в книге «Из далекого прошлого» вспоминала о первой встрече с дворянкой Марией Владимировной Киселевой, дочерью директора императорских театров в Москве В.П.Бегичева: «...нарядная тройка лошадей, запряженная в коляску, на козлах сидит кучер в шляпе с павлиньими перьями. В коляске вижу одетую во все белое красивую даму <...> приехавшая оказалась владелицей соседнего имения Бабкино», знакомство переросло в дружбу с «умной, обаятельной и, несмотря на весь свой внешний аристократизм, очень простой женщиной». Это была прекрасная семья, «хранившая традиции старинной русской культуры». По вполне понятным причинам Мария Павловна не могла написать – дворянской культуры. Оказавшись в мае 1885 г. в имении Киселевых, во флигеле, приготовленном для Чеховых, писатель в письме брату Михаилу написал: «...вошли, зажгли лампу и узрели нечто такое, что превышало всякие наши ожидания. Комнаты громадны, мебели больше, чем следует... Всё крайне мило, комфортабельно и уютно. Спичечницы, пепельницы, ящики для папирос, два рукомошника и... чёрт знает чего только ни наставили любезные хозяева <...> Марья Влад<имировна> здравствует. Подарила матери банку варенья и вообще любезна до чертиков <...> Усадьба, очень красивая, стоит на крутом берегу. Внизу река, богатая рыбой, за рекой громадный лес, по сую сторону реки тоже лес... Около дачи оранжереи, клумбы et caetera...». В имении Киселевых устраивались театральные постановки, пантомимы, импровизации, знаменитый суд над Левитаном, розыгрыши, писались стихотворные экспромты, «было столько искреннего веселья, юмора». Остались в памяти Чеховых и незабываемые поэтические вечера в усадьбе с музицированием – «из дома через раскрытые окна и двери льются звуки бетховенских сонат, шопеновских ноктюрнов», прекрасной пианисткой была гувернантка Е.А. Ефремова, пели гостивший в усадьбе тенор Большого театра Владиславлев, М.В.Киселева. Устраивались литературные вечера, с воспоминаниями и рассказами В.П.Бегичева, велись разговоры «о литературе, искусстве, смаковали Тургенева, Писемского. Много читали». Мария Владимировна тоже писала рассказы и публиковала их в журналах. Несомненно, все эти впечатления нашли отражение в «Ионыче».

Этот рассказ Чехова строится на ситуации, в которой, несомненно, был сам писатель: разночинец пришел в гости в дворянский дом. С какой целью приходит? Как он себя чувствует? Состоялось ли общение? Произошло ли взаимопонимание? Каковы последствия, результаты этого посещения?

Уже само название – «Ионыч» – настраивает читателя на то, главным героем произведения будет разночинец, сын Ионы, дьячка. Предыстории героя в рассказе нет, но Чехов сообщил своим читателям-современникам достаточно, чтобы они могли сами ее реконструировать. К сожалению, сегодняшние читатели не всегда это могут сделать. Им не всегда известно и понятно то смысловое поле, которое скрывается за этими словами – здесь может помочь их читательский опыт.

Старцев – сын дьячка (низший церковный чин). Детство прошло почти в нищете (вспомните детство сына дьячка Гриши Добросклонова), затем он закончил гимназию, за которую, скорее всего, платил богатый человек (что было несколько унижительно – так, за учебу в гимназии брата писателя Михаила Павловича платил купец). Учебу в университете оплачивали, скорее всего, земство или Городская дума – как таганрогская дума оплачивала учебу Антона Чехова в Московском университете. Или зарабатывал сам уроками, репетиторством, переводами, переписыванием ролей актерам, сотрудничая в журналах (пример Н.Г.Чернышевского и его героев Кирсанова и Лопухова). И маловероятно, что родители могли ему хоть как-то материально помочь (вспомним Базарова, который у родителей «отроду лишней копейки не взял»). В любом случае возможность для Старцева получить образование возникла благодаря реформам, которые начались в России в 1860-е гг. Медицинский факультет требовал от него огромного труда, кроме того, на всех факультетах учились четыре года, здесь – пять.

После окончания университета необходимо было найти место. Частная практика, дававшая большие деньги, для только что ставшего врачом нереальна. Можно было найти место в больнице, например земской. В России этого времени были замечательные люди, которые шли в деревни и села земскими врачами, учителями, считая, что их деятельность поможет преобразовать страну и будет способствовать просвещению народа, крестьян. И таких людей, жертвующих собой, было много. Чуть позже мы узнаем по тексту, что Старцевым руководили, в том числе, и эти же высокие цели. Но быть земским врачом – очень тяжело: с раннего утра, каждый день без выходных и праздников, врача ждали больные – грязные, иногда вшивые, тифозные, с рваными ранами, неосторожно пострадавшие во время сенокоса... словом, тяжелая и грязная работа (эту сторону жизни земского врача подробно раскрывают «Записки юного врача» М. Булгакова).

Можно представить, как после приема больных (даже в Вознесение, большой праздник) идти пешком в город, чтобы провести вечер, например в гостях или в театре. И идти девять верст (чуть меньше 10 километров) в одну сторону, а потом обратно, по грязи или в мороз. Но он молод. Посчитаем: из гимназии обычно выходили в 18 лет (если не оставались на второй год в каком-то классе), университет он закончил примерно в 23 года. Молодость прошла в трудах и лишениях, сейчас он живет в Дялиже, где нет интеллигентных людей, с которыми можно поговорить, где одиночество, постоянный труд, грязь и тоска. Но ведь как каждому молодому человеку ему хочется жить, хочется любви, счастья!

А что за город С.? Ряд деталей напоминает о таганрогских впечатлениях Чехова. Но город в «Ионыче» – русская провинция вообще. Город С., хотя и не университетский, но город губернский, большой, с театром, клубом, гимназиями и библиотекой. Центром провинциального города была улица, застроенная департаментами в классицистическом стиле и каменными особняками местного дворянства. Но провинциальный город часто отличался от Петербурга, где дома стояли по красной линии улиц, тем, что в нем жизнь была полудеревенской: дома были окружены собственным садом, чем-то напоминали дворянские имения. Вот и в рассказе: жизнь природы постоянно напоминает о себе, и рядом со стуком ножей слышно пение соловьев, и проза и поэзия не разделены. В то же время провинциальная жизнь скучна и однообразна.

На первой странице рассказа дана характеристика Туркиных. Живут «на главной улице, возле губернатора, в собственном доме». Это сразу выделяет их среди жителей города С. и показывает уровень материальной обеспеченности. Они гостеприимны, сердечны, веселы. Повествователь (явно рассказчик, поскольку чувствуется интонация устного рассказа) с некоторой наивной непосредственностью и иронией сообщает нам о талантах Туркиных – участие в любительских спектаклях с благотворительной целью, умение шутить и острить, писать повести и романы и охотно их вслух читать гостям, играть на рояле... «Одним словом, у каждого члена семьи был какой-нибудь свой талант» (24). С одной стороны, отнести все названное к талантам явно не удастся. С другой, хочется уберечь и от активного осуждения «бездарных Туркиных», к чему часто оказываются склонны в школьной интерпретации рассказа: дворяне Туркины умеют заполнять повседневность, не занятую зарабатыванием на жизнь, – хорошо или плохо – но деятельностью. Вспомним, что разночинцев этому не учили, и Старцев не знает, как заполнить время, не занятое работой (в праздник после приема больных он пошел в сад, выпил пива), смыслом. Кроме того, Старцев, в духе разночинцев, с их тяжелой школой жизни, серьезен и угрюм – Туркины же «принимали гостей радушно и показывали им свои таланты весело, с сердечной простотой. В их большом каменном доме было просторно и летом прохладно, половина окон выходила в старый тенистый сад, где весной пели соловьи; когда в доме сидели гости, то в кухне стучали ножами, во дворе пахло жареным луком – и это всякий раз предвещало обильный и вкусный ужин».

Как-то зимой на улице Старцева «представили Ивану Петровичу; поговорили о погоде, о театре, о холере, последовало приглашение». Говорить при случайном знакомстве можно только на общие темы. И легко представить, что ведущим в разговоре был Иван

Петрович, а не разночинец доктор: сегодня хорошая погода, не правда?.. А вы бывали в нашем театре?.. Стоит ли летом ждать эпидемию холеры?.. Видимо, Туркин, ощущая исчерпанность тем разговора и некоторую неловкость, приглашает нового знакомого в гости, но приглашение это — любезность воспитанного человека. Поначалу Дмитрий Старцев и не собирался им воспользоваться, но вот однажды он пришел в город, чтобы развлечься немного, пообедал, погулял по саду... было скучно, «потом как-то само собой пришло ему на память приглашение Ивана Петровича, и он решил сходить к Туркиным, посмотреть, что это за люди». Скорее всего, мир дворянской семьи был Старцеву совершенно незнаком, и ему было интересно посмотреть на людей иного образа жизни, другого сословия, другого типа культуры.

Здесь важен принцип повествования Чехова – повествование с точки зрения героя – замеченный еще дореволюционной критикой и подробно рассмотренный в работах А.П.Чудакова. И мы, читатели, смотрим на Туркиных не глазами нейтрального повествователя, но именно чужого, пришедшего впервые в дворянский дом, где все кажется ему странным. И позиция наблюдателя субъективна. В чем-то мы можем с ней солидаризироваться, в чем-то вряд ли.

«– Здравствуйтесь пожалуйста, – сказал Иван Петрович, встречая его на крыльце. – Очень, очень рад видеть такого приятного гостя. Пойдемте, я представлю вас своей благоверной. Я говорю ему, Верочка, – продолжал он, представляя доктора жене, – я ему говорю, что он не имеет никакого римского права сидеть у себя в больнице, он должен отдавать свой досуг обществу. Не правда ли, душенька?»

– Садитесь здесь, – говорила Вера Иосифовна, сажая гостя возле себя. – Вы можете ухаживать за мной. Мой муж ревнив, это Отелло, но ведь мы постараемся вести себя так, что он ничего не заметит.

– Ах ты, цыпка, баловница... – нежно пробормотал Иван Петрович и поцеловал ее в лоб. – Вы очень кстати пожаловали, — обратился он опять к гостю, – моя благоверная написала большинский роман и сегодня будет читать его вслух».

Все это мы видим глазами Старцева – по сравнению с суровой атмосферой собственного дома, веселость и радушие Туркиных кажется ему необычными. Он пока не знает, как ее оценить, но к подобной атмосфере в доме дьячка он явно не привык.

Как врач, он сразу видит в Котике детскость – наивность, непосредственность, которые его так привлекают, и грудь, которая говорила о «весне настоящей», начинающемся девичестве. Именно его глазами показан такой эпизод: «Потом пили чай с вареньем, с медом, с конфетами и с очень вкусными печеньями, которые таяли во рту». Разночинец и сын дьячка пил чай с кусочками сахара, отколотыми от сахарной головы, или с вареньем, или с медом. Все вместе, да еще и печенье – это излишество, ненужная роскошь, хотя и приятная. Но для Старцева это непривычно и странно. Так предельно лаконично через кажущуюся проходной деталь Чехов показывает, как гость изучает жизнь дворянского дома, в котором неожиданно оказался.

С одной стороны, жизнь в доме, в котором никто не работает, где нет тягостной борьбы с бедностью, постоянного труда во имя высокого дела, кажется Старцеву бессмысленной, наполненной бездельем, отсюда и ирония повествования. Но мы с ним не согласимся: представление о том, что времяпрепровождение дворян пустое, ошибочно, а отсюда неправильны и вопросы ЕГЭ и сочинений, провоцирующие на осуждение нравственного мещанства Туркиных. Его здесь нет. Вспомним, что дворянина учили быть изящным, интересным, свободное время должно быть заполнено творчеством, литературой, музыкой, живописью, танцами. Культура, в мир которой дворянского ребенка помещали с детства, давала ему ощущение смысла жизни, внутреннюю стойкость в жизненных трудностях. Конечно, Туркины не гении, но они заполняют свой быт, время в меру собственных возможностей. Принимая гостей, они в традициях дворянской культуры создают атмосферу изящества, словесной игры, творчества.

Разночинец же считает, что занятия живописью или литературой должны быть только профессиональными, это ремесло и постоянный труд. Вспомним, что именно так относился к живописи Иван Крамской. Письма художника, опубликованные после его смерти, оказали на Чехова в конце 1880-х гг. большое влияние. Художник Михайлов в романе Толстого «Анна Каренина», прототипом которого был, в том числе, как раз Крамской, вызывает своим «ремесленным» отношением к живописи раздражение Вронского – дворянина и художника-дилетанта. Но и Михайлов, в свою очередь, к Вронскому относится с плохо скрываемым презрением. Потому Старцев, будучи умным молодым человеком, в студенчестве, видимо, много поработав над своим культурным и интеллектуальным уровнем, хорошо видит, что роман Веры Иосифовны непрофессионален, написан дилетантом, потому что о том, «чего не бывает в жизни». Разночинцы были реалистами по типу мировосприятия и гордились этим. И здесь взгляд Старцева подкреплен иронией рассказчика и собственно автора – тоже разночинца. Чехов гордился своей принадлежностью к этой группе интеллигенции, и многое в мировосприятии и биографии молодого Дмитрия Ионовича близко и самому автору.

Старцев не мог похвалить роман Веры Иосифовны вслед за гостями, но вынужден был сказать что-либо автору, и он задает вполне нейтральный вопрос: «Вы печатаете свои произведения в журналах?» – и получает ответ: «Нет, я нигде не печатаю, напишу и спрячу у себя в шкапу. Для чего печатать? Ведь мы имеем средства». Достоинство уважения, что романы пишутся для себя и для гостей так же, как создавались в дворянских семьях поздравительные стихи, пьесы, разыгрываемые на любительской сцене. Туркина не стремится в модные литературные журналы, желая во что бы то ни стало «обессмертить свое имя», она «охотно читает», вместо «охотно слушают» – авторская ирония вполне уловима, но это выбор гостей, слушать или нет.

Ни та, ни другая позиция в художественном мире Чехова не является абсолютной истиной – в обеих есть своя правда.

Интересно было слушать и исполняемый Екатериной Ивановной «трудный пассаж, интересный именно своею трудностью, длинный и однообразный». И хотя, «слушая, рисовал себе, как с высокой горы сыплются камни, сыплются и всё сыплются, и ему хотелось, чтобы они поскорее перестали сыпаться», Екатерина Ивановна, «розовая от напряжения, сильная, энергичная, с локоном, упавшим на лоб, очень нравилась ему». Но ведь не всякая музыка легка для восприятия неподготовленного слушателя – например музыка Скрябина или Рахманинова... Это своеобразное восприятие музыки разночинцем, кстати, «равнинным» человеком – вспомним, что Н.Чернышевский не любил русскую оперу с ее сложной речитативной мелодией, предпочитая ей итальянскую с ее кантиленой, и в этих музыкальных вкусах Старцев и идеолог разночинства, скорее всего, совпадали. Но после зимы, проведенной в Дя-лиже, среди больных и мужиков, так приятны чистые, хорошо одетые интеллигентные гости, приятно сидеть в красивой гостиной, смотреть на это молодое, изящное и, вероятно, чистое существо (подобные девушки в его жизни вряд ли встречались до этого), слушать «шумные, надоедливые, но всё же культурные звуки». Повествователь подчеркивает: это «было так приятно, так ново...». Для разночинца такое времяпровождение – приятно и ново!

Подчеркнем еще раз: мы, читатели, не можем судить о Туркиных объективно, поскольку смотрим на них глазами Старцева, который многое воспринимает как странное, принадлежащее чужой для него культуре. В то же время Старцеву нравится этот мир – у него самого нет культурной среды, семьи и, вероятно, не было опыта счастливой жизни в родительской семье с проявлением к нему радушия, щедрости, внимания.

Герой не знает, как себя вести в этом новом для себя мире, но игру Котика он все же хвалит:

«← Прекрасно! – сказал и Старцев, поддаваясь общему увлечению. – Вы где учились музыке? – спросил он у Екатерины Ивановны. – В консерватории?» – и узнает, что Котик получила домашнее образование, потому что, как объясняет Вера Иосифовна, «в гимназии же или в институте, согласитесь, могли быть дурные влияния; пока девушка растет, она

должна находиться под влиянием одной только матери». Это тоже непонятно для разночинца.

Старцев, надо полагать, все время на протяжении первого вечера серьезен: автор ни разу не отмечает его улыбку, реакцию на шутки, милую игру, в которую хозяева пытаются вовлечь гостя. Он тяжелый гость, который все время молчит, и хозяева безуспешно пытаются включить его в общение.

Результатом первого посещения дома Туркиных стала реакция удивления: «Занятно, – подумал Старцев, выходя на улицу <...> он зашел еще в ресторан и выпил пива, потом отправился пешком к себе в Дялиж <...> Пройдя девять верст и потом ложась спать, он не чувствовал ни малейшей усталости, а напротив, ему казалось, что он с удовольствием прошел бы еще верст двадцать. «Недурственно»...» – вспомнил он, засыпая, и засмеялся» (28). Здесь интересно несколько деталей. Отметим, что после гостей Старцев зашел еще выпить пива – словно запил дворянское угощение плебейским привычным напитком. Кроме того, он и очарован увиденным столь необычным бытом, и как разночинец не может не заметить праздность, отсутствие труда – поскольку глубоко убежден, что «нужно трудиться», об этом он говорит, что с первого вечера в дворянском доме он впервые «засмеялся», почувствовав жизнь не как тяжелый труд, но как что-то легкое и радостное.

«Старцев всё собирался к Туркиным, но в больнице было очень много работы и он никак не мог выбрать свободного часа. Прошло больше года таким образом в трудах и одиночестве...». Обратим внимание на одиночество героя. Это характерная черта жизни разночинца: одинокое детство в мещанской среде, социальное одиночество в гимназии, напряженная учеба в университете, одиночество образованного человека в качестве земского врача или сельской учительницы. Жалоба на одиночество – самая частая в письмах к Чехову его читателей, провинциальных разночинцев. Жизнь дворянина, напротив, социальна и проходит в обществе. Старцеву уже примерно 24 года, при этом одиночество его постоянный спутник, а счастья все нет! И повседневная рутина засасывает, нет даже желания снова побывать у Туркиных, хотя у них было так хорошо, тепло, чисто и вкусно.

Закрепившаяся школьная интерпретация, построенная на идее деградации героя, предполагает, что Дмитрий Старцев в начале рассказа был на некоей душевной и духовной высоте, с которой постепенно падал под влиянием внешней для него негативной атмосферы пошлой среды. Но то хорошее, что есть в герое, – это не совсем его личные качества, это его молодость и то, что есть в молодости – надежды, желание счастья, мечты о будущем, и его «разночинство» – желание исполнить миссию перед народом в качестве врача, здравый смысл, естественно-научный ум, умение самому себя «сделать», профессионализм и пр.

Но вот благодаря случаю (обратите внимание: карьера Старцева как частнопрактикующего врача началась благодаря Вере Иосифовне, которая рекомендовала его всем своим знакомым) он начинает бывать у них часто, потому что хочется любви – а влюбиться, кроме как в Котика, не в кого. Не будем осуждать Старцева: любовь возникает не тогда, когда появляется объект любви, наоборот – объект любви появляется тогда, когда мы готовы влюбиться. Образ Катерины Ивановны связан у Старцева со всей атмосферой семьи, со всем тем дворянским бытом, который был для него, как сына дьячка, недоступен и возникал только в мечтах. Старцев влюблен, но это не любовь. Это очарование того мира, путь в который открывается ему именно через Котика: «Она восхищала его своею свежестью, наивным выражением глаз и щек. Даже в том, как сидело на ней платье, он видел что-то необыкновенно милое, трогательное своей простотой и наивной грацией. И в то же время, несмотря на эту наивность, она казалась ему очень умной и развитой не по летам. С ней он мог говорить о литературе, об искусстве, о чем угодно, мог жаловаться ей на жизнь, на людей, хотя во время серьезного разговора, случалось, она вдруг некстати начинала смеяться или убегала в дом». Только позже мы узнаем, о чем именно шел разговор – о больнице, о служении народу. Разговор не состоялся – Котик замкнута в своем юношеском эгоизме – и не будем ее осуждать, это естественно: все в этом возрасте мечтают о великом будущем, о карьере, и чужая любовь (в том числе родительская) кажется сковывающими

путами. Но для Старцева поездки к Туркиным – его первые надежды выйти за пределы одинокого существования, и можно представить, как он ждал их всю неделю! Ему хочется раскрыться, говорить о литературе, о том, о чем он размышляет, ему хочется высказаться и быть услышанным. Гость хочет стать своим в этом доме, потому что никакого другого Дома в его жизни никогда не было. Дворянский дом, в котором он стал бывать «часто, очень часто», для него, разночинца, постепенно стал его искушением.

Старцев решает сделать предложение. Но он приехал вечером, что оказалось неудобным, Котик собиралась на бал. Пришлось долго сидеть в столовой и пить чай, Ивану Петровичу приходится занимать нехоти приехавшего незваного гостя... о нарушении этикета разночинец, видимо, не подозревает.

Старцев уже представляет себя частью этого мира, представляет, как устроится его жизнь, ради чего готов отказаться от своего предназначения разночинца – служения народу, медицине: «А приданого они дадут, должно быть, немало», – думал Старцев, рассеянно слушая <...> на душе было туманно, но радостно, тепло, и в то же время в голове какой-то холодный, тяжелый кусочек рассуждал: «Остановись, пока не поздно! Пара ли она тебе? Она избалована, капризна, спит до двух часов, а ты дьячковский сын, земский врач...» «Ну что ж? – думал он. – И пусть». «К тому же, если ты женишься на ней, – продолжал кусочек, – то ее родня заставит тебя бросить земскую службу и жить в городе». «Ну что ж? – думал он. – В городе, так в городе. Дадут приданое, заведем обстановку...».

Старцев видит все: его и Катерину Ивановну разделяет социальная пропасть. Но для него это шанс выйти за пределы внутреннего экзистенциального одиночества, жить своим домом, с этой приятной атмосферой, с удобством и уютом, обстановкой, возможно, как у Туркиных – потому что это единственный дворянский дом, который он хорошо знает. И опять же – как в жизни все переплетено: и ожидание счастья, и детскость Котика, которая кажется проявлением невовлеченности в грязные стороны жизни, с которыми Старцев связан был и в детстве, и сейчас как врач, и мысли о приданом, о том, как устроится жизнь после свадьбы! И это так естественно думать о том, на что будет жить семья, о том, что наконец-то можно будет больше никогда не бояться бедности, что можно будет жить «чистой» жизнью, меньше работать – потому что круглосуточная работа отупляет, унижает, приводит, как бы сказали сейчас психологи, к эмоциональному выгоранию. И трудно найти обычного человека, который бы в ситуации Старцева не думал об этом, и мысли эти не стыдные и не «пошлые», они будут и у молодых читателей, когда они станут старше. Так что с «мечтами и томлениями» у героя было связано многое, что мы можем только предположить. Интересно, что в другом чеховском рассказе герой все это получил, хотя счастлив не стал – это Никитин в «Учителе словесности» после женитьбы на Манюне.

Но не случайно «предложение он приехал делать в чужом фраке». Многим придется пожертвовать ради того, чтобы изменить жизнь. Старцев примеряет на себя другую жизнь как чужой фрак и пока не знает, что выбрать. Искушение все же велико. Неожиданный для него отказ Котика значит для героя расставание с родившимися в нем мечтами о другой жизни. После отказа «у Старцева перестало беспокоиться сердце. Выйдя из клуба на улицу, он прежде всего сорвал с себя жесткий галстук и вздохнул всей грудью. Ему было немножко стыдно и самолюбие его было оскорблено, – он не ожидал отказа, – и не верилось, что все его мечты, томления и надежды привели его к такому глупенькому концу, точно в маленькой пьесе на любительском спектакле. И жаль было своего чувства, этой своей любви, так жаль...» (34). Он оскорблен, потому что его отвергли как разночинца. Но тут же Чехов продолжает: «...что, кажется, взял бы и зарыдал или изо всей силы хватил бы зонтиком по широкой спине Пантелеймона». В психологии разночинца есть «изъяны» – гордыня, запрятанная глубоко злость, отсутствие внутренней культуры чувств («как дай Вам Бог любимой быть другим», – это не для него). Обида на отказ (а с чего он рассчитывал на иное, не ясно) приводит к тому, что сын дьячка готов сорвать свою злость на слуге. И все это еще раз показывает, что он любил не Котика, а всю атмосферу «другой жизни», в которой, как он вдруг понял, ему суждено было быть всего лишь гостем.

«Но вот прошло четыре года» – за это время Старцев вернулся к одинокому существованию, к повседневной работе, которая позволяет не задумываться, как жить, втягивается в свое любимое занятие – «по вечерам вынимать из карманов бумажки, добытые практикой».

Чехов строит сюжет так, чтобы герой снова оказался в доме Туркиных. Постарели хозяйка, повзрослела Екатерина Ивановна, но больше всех изменился Старцев. Это проявляется в его новом взгляде на всё: «И теперь она ему нравилась, очень нравилась, но чего-то уже не доставало в ней, или что-то было лишнее, – он и сам не мог бы сказать, что именно, но что-то уже мешало ему чувствовать, как прежде. Ему не нравилась ее бледность, новое выражение, слабая улыбка, голос, а немного погодя уже не нравилось платье, кресло, в котором она сидела, не нравилось что-то в прошлом, когда он едва не женился на ней. Он вспомнил о своей любви, о мечтах и надеждах, которые волновали его четыре года назад, – и ему стало неловко. <...> «А хорошо, что я на ней не женился», – подумал Старцев». Когда-то в прошлом дом Туркиных был притягателен, ему хотелось жить так же, и Туркины были «хозяевами положения». Теперь они постарели, а то, что хотелось Старцеву, он получил без них – положение в городе, деньги, имение (первое, что купил разночинец, разбогатев – имение!) и два дома. Это не просто страх необеспеченной старости у сына дьячка, но и подсознательная мечта обрести дом своей мечты, что в то же время приближает его к привилегированному классу; вспомним у Н. Некрасова: «...Купишь дом многоэтажный... И вдруг станешь барин важный...».

Но всё это, увы, без поэзии дворянской жизни: «Эх! – сказал он со вздохом. – Вы вот спрашиваете, как я поживаю. Как мы поживаем тут? Да никак. Старимся, полнеем, опускаемся. День да ночь – сутки прочь, жизнь проходит тускло, без впечатлений, без мыслей... Днем нажива, а вечером клуб, общество картежников, алкоголиков, хрипунов, которых я терпеть не могу. Что хорошего?» Не случайно, уезжая, Старцев оглянулся на дом и сад... («Садясь в коляску и глядя на темный дом и сад, которые были ему так милы и дороги когда-то, он вспомнил все сразу...»), потому что когда-то его воображение потряс именно Дом.

Старцев ушел, «и больше уж он никогда не бывал у Туркиных». Пора уходить из гостей.

В финале рассказа «когда, случается, по соседству за каким-нибудь столом заходит речь о Туркиных, то он спрашивает: «Это вы про каких Туркиных? Это про тех, что дочка играет на фортепьянах?». Вот и всё, что можно сказать про него». Теперь ему не интересны Туркины, он занял свое место в обществе, не ниже, а может, и выше, чем разоряющаяся дворянская семья. Конфликт разрешен, про Туркиных можно забыть, эмоции утихают.

После того как Старцев ушел из дома Туркиных навсегда, интонация рассказа резко меняется, а последующие события показаны быстрыми общими штрихами.

Отметим еще несколько важных моментов.

Во-первых, уточнение социокультурного контекста рассказа позволяет уйти от однозначности в наших представлениях о героях. Литературовед рубежа XIX-XX вв. Д.Н.Овсяннико-Куликовский, анализируя рассказ, обратил внимание на то, что «у нас складывается весьма невыгодное для местного, так называемого «интеллигентного» общества представление о нем <... > На этом нашем представлении, которое нам подсказано, можно даже сказать – навязано автором, и основано освещение внутренней жизни общества города С., сделанное так, что самый-то освещаемый предмет за этим освещением и не виден». Мы действительно о Туркиных судим «со слов Старцева» – но он оказался чужим, лишним, его отвергли. Чувство социальной ущербности определяет его обиду и несправедливость высказываний, которым школьные интерпретаторы почему-то склонны безоговорочно доверять. Более того, читатель принимает эту позицию за авторскую. Но позиция Старцева сформирована неприязнью к чужому непонятному укладу жизни, с его традиционным домашним музицированием, домашними рукописными альбомами и журналами, благотворительными спектаклями, с семейными ценностями, возни

кает из-за различий условий жизни, культурных традиций и воспитания. Его позиция продиктована раздражением, а не чувством справедливости: «И Старцев избегал разговоров, а только закусывал и играл в винт <...> он чувствовал раздражение, волновался, но молчал, и за то, что он всегда сурово молчал и глядел в тарелку, его прозвали в городе «поляк надутый», хотя он никогда поляком не был». «Обыватели своими разговорами, взглядами на жизнь и даже своим видом раздражали его».

Второй вопрос – действительно ли перед нами деградация героя?

Для разночинца в диалоге с дворянской культурой возможен вариант осознания и нахождения собственного пути при уважении к чужому. Но чеховский герой идет по пути другому – он стремится стать выше дворян. Старцев все больше уходит в одиночество («бывал в разных домах и встречал много людей, но ни с кем не сходилась близко» (45), культурные интересы оказались для него чем-то внешним и слетели, как шелуха («От таких развлечений, как театр и концерты, он уклонился, но зато в винт играл каждый вечер, часа по три, с наслаждением»). Но подчеркнем, что профессиональные его качества не подвергаются Чеховым сомнению: он хороший врач, у него огромная практика – иначе его не приглашали бы и не платили. Его убеждения во многом прогрессивны («Старцев пробовал заговорить даже с либеральным обывателем, например, о том, что человечество, слава богу, идет вперед и что со временем оно будет обходиться без паспортов и без смертной казни, то обыватель глядел на него искоса и недоверчиво и спрашивал: «Значит, тогда всякий может резать на улице кого угодно?»). А когда Старцев в обществе, за ужином или чаем, говорил о том, что нужно трудиться, что без труда жить нельзя, то всякий принимал это за упрек и начинал сердиться и назойливо спорить»). И если он перестал говорить об этом, то не сказано, перестал ли он так думать. Так что и в начале рассказа герой не был на не недостижимой высоте, и в финале нет его нравственного падения в таком варианте, что можно говорить именно о его страшной деградации.

Но тогда возникает вопрос: почему повествователь вдруг (подобно И. Гончарову в «Обыкновенной истории» в эпилоге романа) становится жесток к герою: «Прошло еще несколько лет. Старцев еще больше пополнил, ожирел, тяжело дышит и уже ходит, откинув назад голову. Когда он, пухлый, красный, едет на тройке с бубенчиками и Пантелеймон, тоже пухлый и красный, с мясистым затылком, сидит на козлах, протянув вперед прямые, точно деревянные руки, и кричит встречным «Прррава держи!», то картина бывает внушительная, и кажется, что едет не человек, а языческий бог». Что Чехов не простил Ионычу? В том числе того, что тот перестал быть разночинцем, не выдержав искушения, он захотел стать не просто дворянином, но «баринном». А путь, который он для этого выбрал, – деньги.

Это типично для России второй половины XIX в., когда желание подражать дворянству возникает во всех сословиях, тем более что у купцов и интеллигенции появляется возможность разбогатеть. При низком личностном уровне человек другого сословия берет у дворянства не внутренние, а внешние, не лучшие образцы поведения – барство, самодурство («когда ему в Обществе взаимного кредита говорят про какой-нибудь дом, назначенный к торгам, то он без церемоний идет в этот дом и, проходя через все комнаты, не обращая внимания на не одетых женщин и детей, которые глядят на него с изумлением и страхом, тычет во все двери палкой и говорит: «Это кабинет? Это спальня? А тут что?» И при этом тяжело дышит и вытирает со лба пот. <...> Ему прислуживает лакей Иван, самый старший и почтенный, подают ему лафит № 17, и уже все – и старшины клуба, и повар, и лакей – знают, что он любит и чего не любит, стараются изо всех сил угодить ему, а то, чего доброго, рассердится вдруг и станет стучать палкой о пол»). Лафит № 17 – это уже не разночинное пиво. И Чехов в конце рассказа беспощаден не к Туркиным, дворянам (которые мало изменились, разве что постарели, но все также любят и заботятся друг о друге), но к разночинцу, который, не утратив профессиональных качеств, предал идеалы своего сословия. Так «Ионыч» становится рассказом-предупреждением, в том числе, и себе самому, и тут автор оказывается беспощаден.

Интересно, что в том же 1898 г. практически одновременно был написан рассказ с той же сюжетной ситуацией, но другим финалом – «У знакомых». Его герой, разночинец Подгорин, приезжает в гости в дворянскую усадьбу, к людям, которые были ему дороги когда-то, но чувствует, что этот мир чужой для него – и уезжает. Чехов словно проводит эксперимент, проверяя другой вариант той же сюжетной ситуации «разночинец в гостях у дворян», но при этом, также остро подчеркивая противоположность двух миров, дворянского и разночинного, существенно мягче относится к Подгорину, внутренне отказавшегося от всеми ожидаемого брака с дворянской девушкой и от возможности стать своим в мире дворянской семьи.

Так социокультурный анализ рассказа углубляет понимание текста, уводит от традиционного идеологического упрощенного анализа и делает его... удивительно актуальным. Человек в чужой среде при резком расслоении общества – это наша современная ситуация, в которой может оказаться любой читатель. Превращение разночинца-интеллигента в то, что называется буржуазной интеллигенцией – «дорогой врач», «дорогой адвокат»... что человек теряет и что обретает в этой ситуации, поддаваясь искушению внешне красивой жизни? Вот вопросы, которые стоят перед каждым человеком, особенно в возрасте юности.

Итак, внешний сюжет рассказа строится на том, что разночинец зашел в гости к дворянам, посмотреть, «что это за люди», и сначала дворянский мир показался ему занятым. Он захотел остаться, но был не принят, оказался эпизодическим, пришлым лицом. Испытав искушение и не выдержав его, он готов изменить своим убеждениям, своим идеалам и своим ценностям разночинца, потому что хочет жить в таком же доме, как они. И, с оскорбленным самолюбием, он ушел из этого дома, несправедливо обвиняя хозяев. Отказался от «своего», но не стал «другим»...

ЦГТБ имени А.П.Чехова